

Среда, 1996. - 1 окт. - с 5

Театральная недвижимость

Лицензии требуют хлеба. А как по части зрелищ?

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Известия»

На вечер 1 октября в Москве запланирована акция протеста деятелей культуры по случаю выплаты им сентябрьских денег. Среди руководителей театров, библиотек, оркестров на сцену столичной филармонии выйдут три театральные худрука: Олег Ефремов, Владимир Васильев и Юрий Соловьев. Только что вместе с действующими пока председателями СТД Михаилом Ульяновым они направили тревожащую телеграмму Виктору Черномырдину: «...превращение бюджетного финансирования приводит к гибели основ русского театрального искусства». А 4 октября театральные деятели собираются выйти митинговать на Триумфальную площадь.

Помнится, Остап Бендер предрек Кисе Воробьяниночу, что не протяну руку, тот протянет ноги. Сопоставление, конечно, крайнее. Однако, если театр живет в условиях наравне с библиотекой, это явно не свидетельствует о его жизнеспособности.

Сегодня в Москве зарегистрировано более 200 театров. Около трети — государственные. Ежегодная дотация каждому из них оставляет от 1,5–2 миллиардов рублей и выше. Процы и быстрее эти деньги достаются «десушимся на Лужки», то есть театрам городского подчинения. «Федералы» уходятся статусом национального достояния, у кого он есть.

И все-таки государственные театры в своем праве. Им вполне митинговать и развешивать грозные телеграммы. Остальные являются театральными частниками и не получают из бюджета ни копеечки, хотя, следуя основам законодательства о культуре, имеют на это полное право. У большинства нет даже собственного помещения. Тем не менее ни Валерий Фокин, ни Леонид Трушкин, ни Роман Виктюк с плакатами на митинг не выйдут.

Леонид Трушкин — как реформатор русской сцены

Первая частная театральная акция произошла в Москве в 1989 году — доклады Товстоногова. Трушкин долгие годы актерский диплом в «Юдике». 11 лет его жизни отданы труду театра Маяковского в амплуа «Кузнецк оловяно». В конце 80-х благодарен ветру перемен и своему давнему другу Константину Райкову впервые попал в Америку. Где потрясенно осознал, что театральное дело может быть рентабельным и даже прибыльным. Вернувшись, он поставил на сцене «Сатирикона» чехов-

Одни протестуют, другие репетируют. Леонид Трушкин (в центре) на репетиции «Недосягаемой». Фото Владимира НОВИКОВА.

ский «Вишневый сад» со оборотной актерской командой. Фирса в нем еще успел сыграть Евгений Бастингев. И назвал Трушкин свою антрепризу Театром Антона Чехова.

С тех пор под этой маркой вышло 7 спектаклей. В «Сатириконе» по-прежнему идет «Там же, тогда же» и «Сирано де Бержерак» с Райкиным в главных ролях. Кроме того, на разных площадках Москвы звездный исполнительный состав играет «Чистованка». Специально на сценку «Игрушечный побег» по Джанни Родари Трушкин пригласил из Петербурга Ольгу Волкову, Волкова, Гурченко, Стеклова и Николая Волкова заняты у него сейчас в репетициях «Недосягаемой» по Сомерсету Моэму. Премьера назначена на 15 ноября.

Репетиции «Недосягаемой» проходят в Театре-студии киноактера при двенадцатиградусной температуре. Аренда помещения обходится в 100 долларов в день. Это очень дешево. Обычно театры требуют с коллег-частников 8–10 миллионов рублей за репетиционный день и столько же — за возможность сыграть на их сцене вечерний спектакль. Поэтому сроки выпуска премьеры в антрепризе всегда известны заранее и максимально сжаты — 2–3 месяца.

Главный и почти единственный источник доходов частной театральной антрепризы — билетная выручка. Верхний предел цен у Трушкина сейчас — 120 тысяч рублей за билет. С ноября станет двести пятьдесят. Низкая планка поднимается, соответственно, с пяти до двадцати (речь идет о взрослых зрелищах). Зарплата у самого Трушкина и его директора — по полторы тысячи долларов в месяц. Молодые актеры («Игрушечный побег» заняты недавние выпускники и студенты ГИТИСа) получают в Театре Антона Чехова 25 долларов за спектакль. Звезды — в среднем в 12 раз больше.

Понятно, что все это не от доброты душевной. «Я должен быть хорошим, иначе в следующий раз со мной не захотят работать», — объясняет Трушкин.

Трушкин не гонит ни постоянные расходы, ни налоги, которых он платит государству больше, чем любой бюджетный театр. Но бесконечная аренда иллыняет его и материально, и морально. Театр Антона Чехова хочет строить собственное здание.

Пока это в проекте, но планы громадые уже реально. С десяти утра до одиннадцати вечера антрепренер будет заниматься делами своего театрального. С часами зрительный зал трансформируется в ресторанчик, а сцене предоставляется под варианты шоу. Держать варьете в театре Трушкина, очевидно, будет Лайма Вайкуле. 20 процентов ночной выручки пойдут опять-таки на дела дневные, театральные.

Надо сказать, что уже сейчас в Театре Антона Чехова есть сотрудник на басманной, переданный ему в аренду на 25 лет. Леонид Трушкин договорился с Евгением Шапошниковым об открытии там общего клуба «На крыльях славы». Крылья будут поставлять гражданская авиация, славу обеспечат трушинские актеры. Денег — пополам. По предварительным подсчетам, клуб должен приносить в год около двух миллионов долларового дохода. Если бы Трушкин просто передал объект коммерческому структурам, эта сумма была бы в 10 раз меньше.

«Бездарно не иметь денег, имея здание», — считает Трушкин. «И надо не сдавать за кейсы несколько комедий, а создавать вокруг ресторана, варьете, клубы, казино, салоны красоты, отели... Театр сегодня не может существовать сам по себе. Он должен быть центром самоорганизующейся системы».

Полуживые классики

Трушкин спорен. И как практик, и как теоретик, и как режиссер, и как бизнесмен. Он не скрывает, что давит коммерческой театр. Хотя, если учесть, что залы у всех, официальных и неофициальных «достоинств» рассчитаны на 600, 800, а то и 1000 зрителей, слово «коммерция» и здесь обязано пусть не произноситься, так подражываться.

У Трушкина бывают спектакли учебные. Бывают, на мой взгляд, и совершенно провальные. При этом он все же лишь часть того правила, на которого сегодня в театральной Москве исключен практически нет. Бессмысленно рассуждать, кто работает лучше — государственные театры или частные антрепризы. В интересах зрителя только одно: чтобы они не мешали друг другу жить.

Пока эти интересы — зритель, потребитель, налогоплательщик — нарушаются на каждом шагу. Одна-две сотни тысяч, отданные нами за билет на спектакль Трушкина, идут на оплату аренды государственной сцены. Содержание и эксплуатация которой мы через налоги однажды уже оплатили. А вместе с нами, кстати, и частный Театр Антона Чехова.

На 1997 год разработана новая, президентская Программа сохранения и развития культуры и искусства. В ней сделана попытка отделить театральную философию. Длительно рассуждая очередь дождено на легендарное имя, а реальный успех. Понятно, что отнять у одного и отдать другим никто не решится.

Значит, надо ждать 1999 года, когда, по президентскому указу 10.10, финансирование культуры достигнет максимума объема, предусмотренного законом. Денег должно стать в 3 раза больше, чем сейчас. Но можно ли сделать что-то уже сегодня?

Театральной недвижимости столицы в частную собственность никто не передавал. И безумная арендная расценка — чистой воды волюнтаризм. В ежегодном договоре между городом и государственным театром должно быть указано, на сколько дней в году тот обязуется освободить свою площадку для работы «бездомных» коллег. Предъявляя счет только за дополнительные, непредвиденные расходы по эксплуатации сцены.

Критерии критериями должны определяться размеры этой «популярности»? Вероятно, одним-единственным, наиболее объективным — процентом посещаемости. Будем откровенны: центр Москвы сегодня — это скопление еле дышащих театров. Залы их по вечерам пусты — где на треть, а где и наполовину. Впрочем, если театр декларирует искусство для избранных, надо просто помочь ему с обменом помещением...

Подобная мера пошла бы на пользу не только антрепризам, но, как ни странно, и самим государственным театрам. Сдвигая сцену за 2 тысячи долларов в вечер и тем компенсируя собственные нераскупленные билеты — значит разрабатывать трупу и поощрять в ней творческую леность.

Грядущий в октябре съезд Союза театральных деятелей России может, разумеется, прийти и на парадной, митинговой ноте. С телеграммами и ультиматумами. Но может он оказаться и принципиально важным. Если реально оценит новую театральную ситуацию в России. И признает четко, что в сфере культуры только музеи и библиотеки (как дати и пенсионеры в социальной сфере) имеют право на государственную поддержку государства. Театры вполне в состоянии кормить себя сами, если бюджетная подпитка будет исканной.

Театральные коллективы по 250–300 человек и труппы по 80–100 человек своим привыкнут стоять в противной рядой. Ежегодно эти разбухающие штаты поглотит еще сотня выпускников столичных театральных вузов, и они тоже, с младых ногтей, усваивают печальную науку нищенства. Просить деньги не менее стыдно, чем иллыть под боксом кизина, но, конечно, менее хлопотно.

Я поинтересовался у лучшего, наверное, на нынешний день московского режиссера Валерия Фокина, что он думает о соседстве казино, клубов и ресторанов. Вопрос своевременный: в будущем году наконец должно завершиться строительство Центра имени Мейерхольда. «Наверняка, пустил бы», — после минутного раздумья ответил Фокин. «Только чтобы с отдельным входом... Время такое. Надо жить».

Кстати, благополучные, аншлаговые московские театры за счет продажи билетов покрывают половину своего государственного бюджета. Денег приносит театр, и деловая состоятельность. Все, кроме недвижимости, — то есть отсутствия всякого движения.